

ский, отмечает публицистический характер повестей о «Смуте» и пытается анализировать те вопросы и идеи, которые волновали публицистов XVII в. Рассматривая влияние на повести о «Смуте» устнопоэтической легенды, народной поэзии, Архангельский не ограничивается, как предыдущие исследователи, простой ссылкой на «Повесть о Скопине-Шуйском», а более или менее детально анализирует как ее, так и «Сказание о царстве Федора Иоанновича», в котором находится ряд легендарных и даже сказочных подробностей. Разбор произведений заканчивается анализом «повести-поэмы» Катыврева-Ростовского, где, по словам исследователя, «в книжный рассказ вносятся эпические приемы».⁴⁷ Как видим, эта книга делает уже значительный шаг вперед в литературном анализе повестей о «Смуте» по сравнению с ранее разобранными исследованиями.

Е. А. Петухов в своей книге «Русская литература» также использует выводы Платонова о повестях и сказаниях «Смутного времени»; он находит в высокой степени интересным для историка литературы наличие в них народнопоэтического элемента; вместе с тем «в них ясна связь с преданиями литературы XV—XVI веков, что делает особенно ценными эти произведения, как свидетельства совершенно самостоятельной струи в ходе московской письменности XVII века, рядом с другим течением, шедшим из Киева. На некоторых повестях Смутного времени можно наблюдать даже ясные следы влияния известных литературных образцов XV и XVI в., например, „Повести о Царьграде“, „Казанской истории“, летописей».⁴⁸

Наблюдения Е. А. Петухова верны в той части, где он говорит о свободе памятников начала XVII в. от влияния, как он ее называет, «юго-западной схоластической школы» и отмечает в повестях «Смутного времени» черты, сближающие их с произведениями XV и XVI вв. Но заслуга писателей начала XVII в. не в том только, что они были верны старой традиции и представляли собой «совершенно самостоятельную струю в ходе московской письменности XVII в.»; в их произведениях мы находим ряд новых черт, которые возникают в литературе начала XVII в. не в результате каких-либо «влияний», а, как показали работы советских ученых-литературоведов, под воздействием самой жизни.⁴⁹

Из отдельных работ, опубликованных до Великой Октябрьской социалистической революции и касающихся повестей о «Смуте», необходимо упомянуть статью А. С. Орлова «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI и XVII вв.»⁵⁰ Вместе с другими памятниками древнерусской литературы автор разбирает здесь «Иное сказание» и «Повесть», приписываемую Катывреву-Ростовскому, которую считает наилучшим творением того времени.

После 1917 г. изучение памятников начала XVII в. вступает в новую фазу. Интерес к ним растет. Появляется ряд новых работ, посвященных выяснению различных вопросов и проблем, связанных с повестями «Смутного времени».

⁴⁷ Как правильно отмечено С. Ф. Платоновым и А. С. Орловым, «Повесть» составлена «исключительно в книжном стиле». Поэтика ее насквозь книжная, и лишь по недоразумению авторы общих курсов по истории русской литературы (Пыпин, Архангельский, Петухов), касаясь этой «Повести», говорят о присущей ей якобы народной традиции (см.: Н. К. Гудзий. Заметка о повести князя Катыврева-Ростовского Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 306—309).

⁴⁸ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период Изд. 3, Пгр, 1916, стр. 300.

⁴⁹ См. ниже о работах Д. С. Лихачева и В. П. Адриановой-Перетц в VIII и IX томах ТОДРА.

⁵⁰ ИОРЯС, т. XIII, кн. 4 (1909 г.), стр. 24—33.